

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.8>

Полугодин Андрей Дмитриевич

ВЫЯВЛЕНИЕ КОЛЛАБОРАНТОВ СРЕДИ РЕПАТРИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД С 1942 ПО 1945 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье на основе архивных документов из фондов Государственного архива документов новейшей истории Калужской области и других региональных архивов рассмотрена проблема выявления коллаборантов в массе репатриированного населения по Калужской области в период с 1942 по 1945 гг. Показаны масштабы, механизм и итоги процедуры фильтрации, а также ее влияние на дальнейшие судьбы отдельных репатриантов и коллаборантов. Сделан вывод о неоднозначности итогов политики советской власти в отношении репатриированных в регионе и влиянии различных внешних факторов на определение меры вины выявленных коллаборантов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/2/8.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 40-45. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Священного Синода, глава военного ведомства, министры внутренних дел и народного просвещения, главный начальник морского штаба и подчиненные им структуры.

Православная община, представленная преимущественно русскими и греками, с момента основания города являлась самой многочисленной по числу верующих и духовенства, поэтому при возведении храмов учитывался фактор глубоких исторических корней православия в регионе, связанных с византийским периодом истории Херсонеса Таврического. Вместе с этим руководство города и государства в целом учитывало интересы и других конфессий, представленных на флоте и в Севастопольском регионе. В целом можно констатировать адекватное внимание к обеспечению духовных запросов основных этноконфессиональных групп в Севастополе со стороны представителей всех звеньев аппарата государственной власти.

Список источников

1. Осиповский С. Н., Белоглазов Р. Н., Шимберева Е. В. Отечественная историография взаимоотношений религиозных общин и органов государственной власти на территории Севастопольского региона (1783-2017 гг.) // Манускрипт. 2018. № 11 (97). Ч. 2. С. 211-221.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 497. Оп. 1.
3. РГИА. Ф. 560. Оп. 6.
4. РГИА. Ф. 733. Оп. 78.
5. РГИА. Ф. 789. Оп. 20.
6. РГИА. Ф. 797. Оп. 3.
7. РГИА. Ф. 797. Оп. 5.
8. РГИА. Ф. 1152. Оп. 3.
9. РГИА. Ф. 1284. Оп. 188.
10. Собор Святого равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся адмиралов Российского Императорского Флота / ред.-сост. М. П. Апошанская. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. 330 с.
11. Спесивцева Л. В. Римско-католический костел в Севастополе // Культура народов Причерноморья. 2003. № 46. С. 115-118.
12. Херсонесские Святыни: популярный исторический очерк. Севастополь: Каламо-Пресс, 2002. 157 с.

**PUBLIC AUTHORITIES' ROLE IN RELIGIOUS BUILDINGS CONSTRUCTION
IN SEVASTOPOL IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

Osipovskii Semen Nikolaevich, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor

Beloglazov Roman Nikolaevich, Ph. D. in History

Sevastopol State University

simosip@gmail.com; belovr73@mail.ru

The article analyses public authorities' influence on the design, financing and construction of religious buildings in Sevastopol in the first half of the XIX century. It is ascertained that these issues were within the competence of both the Navy High Command and individual heads of central departments of the Russian Empire, including the approval of the most fundamental issues of temple construction in the city at the level of the head of the state. At the same time, while forming the confessional space of the region it was considered necessary to establish historic continuity between the spiritual life of the new city under construction and the events of the Christian history of Tauric Chersonesos, which conditioned attention to Sevastopol as one of the sacred centres of the state.

Key words and phrases: Sevastopol; Nicholas I; Chief Prosecutor; Holy Synod; A. S. Menshikov; A. S. Greig; M. P. Lazarev; Orthodoxy; Roman Catholics.

УДК 94(470)«1941/1943»

Дата поступления рукописи: 27.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.8>

В статье на основе архивных документов из фондов Государственного архива документов новейшей истории Калужской области и других региональных архивов рассмотрена проблема выявления коллаборантов в массе репатриированного населения по Калужской области в период с 1942 по 1945 гг. Показаны масштабы, механизм и итоги процедуры фильтрации, а также ее влияние на дальнейшие судьбы отдельных репатриантов и коллаборантов. Сделан вывод о неоднозначности итогов политики советской власти в отношении репатриированных в регионе и влиянии различных внешних факторов на определение меры вины выявленных коллаборантов.

Ключевые слова и фразы: Великая Отечественная война; репатриация; коллаборационизм; проверочно-фильтрационные дела; Калужская область.

Полугодин Андрей Дмитриевич

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

andrei.polugodin@yandex.ru

**ВЫЯВЛЕНИЕ КОЛЛАБОРАНТОВ СРЕДИ РЕПАТРИИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ПЕРИОД С 1942 ПО 1945 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Вопрос выявления коллаборантов среди освобожденного от немцев населения до 90-х гг. XX века не изучался ввиду политических и идеологических причин. Случившаяся с распадом советского государства

переоценка ценностей и последующее открытие архивов спровоцировали существенный интерес к разработке этого направления. К сегодняшнему времени историческая наука смогла пополниться серьезными исследованиями, значительно освещавшими различные аспекты этого сложного процесса [4; 20]. Но все же, несмотря на общие успехи, в рамках Калужского региона вопрос изучен довольно слабо.

3 февраля 1992 г. Управлением Федеральной Безопасности Калужской области в распоряжение областного архива были переданы совершенно новые типы источников, позволяющие специалисту проложить дорогу в исследовании ряда серьезных вопросов, связанных с осуществлением проверочных мероприятий освобожденных лиц – материалы фильтрационных комиссий. Одним из первых, кто проявил к ним интерес, была местный специалист И. Ю. Молодова: в своей работе она достаточно подробно охарактеризовала этот вид источника и оценила степень его значимости в развитии научного знания [15]. В 2015 г. на базе Калужского государственного института развития образования была выпущена коллективная работа местных калужских историков, уделившая внимание истории Калужского края в годы Великой Отечественной войны [14]. В одной из глав исследования выводы Молодовой заняли довольно весомое место. К сожалению, на этом количество региональных работ с использованием вышеупомянутых материалов ограничивается. Подобное обстоятельство формирует новизну исследования, заключающуюся в слабом освещении проблемы выявления коллаборантов среди репатриированных лиц при использовании материалов фильтрационных комиссий в границах Калужской области. Значительный вес исследованию придает и тот факт, что многие региональные архивы соседних областей до сих пор не получили упомянутые документы в свое распоряжение.

Передача в открытый доступ ранее «закрытых» источников по проблеме проверки репатриантов советскими фильтрационными органами в 1990-е гг. обострила обсуждение проблемы подходов, механизма, итогов выявления в общем потоке репатриированных лиц, сотрудничавших с врагом. Так, ряд авторов скептически относятся к действиям советского государства, обращая внимание на правовое и организационное несовершенство механизма фильтрации, наличие значительного количества незаконно репрессированных лиц и предвзятое отношение к данной категории граждан в целом. Так, эмигрантский публицист Н. Д. Толстой утверждал, что процент «репрессированных» (в т.ч. и ссыльных) советской властью лиц по итогам репатриации был довольно высоким, составляя около 65%. Лишь только 20% счастливицам удалось благополучно вернуться на Родину [23, с. 468-469]. Подобную точку зрения активно поддерживали ряд публицистов в новой России. Известный специалист по проблеме П. М. Полян, ссылаясь на многочисленные источники, отмечает огульное недоверие власти к репатриантам [20, с. 526]. Похожий взгляд на политику проверки мы находим и в исследовании Е. Соломатиной, которая оценивает практику процесса фильтрации как составную часть политических репрессий и ставит вопрос о необходимости принятия закона о реабилитации [22]. Иная картина наблюдается в работах В. Н. Земскова и А. А. Шевякова, которые приходят к выводу о завышении рядом историков количества пострадавших в ходе репатриации [11; 26]. По их мнению, политика фильтрации носила противоречивый характер, включая в себя как позитивные, так и негативные моменты. Целенаправленный карательный характер проверочных мероприятий ими отрицается.

Как становится ясно, наиболее рельефно механизм и результаты фильтрации представлены на местном и региональном уровне, в частности, в западнорусских областях, длительное время находившихся под пятой оккупантов, в том числе Калужской области. Таким образом, представляется актуальным рассмотреть функционирование системы проверки репатриантов, возвращавшихся на территорию Калужского края, её итоги, исследовать отношение местной власти и населения к возвращенцам и выявленным в их числе коллаборантам.

К ноябрю 1941 г. гитлеровцы, продвигаясь к Москве, полностью оккупировали территорию Калужского края. С этого времени и до сентября 1943 г., когда были освобождены Спас-Деменский, Жиздринский, Ульяновский и Хвастовичский районы, многие тысячи калужан вынуждены были жить в условиях нацистского «нового порядка». Отступая под ударами Красной армии, фашисты осуществляли тактику «выжженной земли», одной из ее составляющих был угон населения на работу в Германию. По возвращению домой каждый из репатриантов должен был пройти обязательную процедуру фильтрации.

С самого начала советская власть предпринимала меры по нейтрализации активных коллаборантов и носителей иных антисоветских проявлений. Ужесточались наказания за распространение панических слухов, за дезертирство, невыполнение распоряжений государственных, партийных органов, чрезвычайных структур власти военного времени, особенно за сам факт занятия определенных должностей у врага [16, с. 204]. Еще 27 декабря 1941 г. вышло постановление ГКО СССР № 1069сс, регламентирующее проверку и фильтрацию лиц, освобожденных из плена, прорвавшихся из окружения «бывших военнослужащих Красной армии», что стало самым первым документом такого рода в годы Великой Отечественной войны. С этого момента все они направлялись в специальные лагеря НКВД для тщательной проверки [17, с. 183]. 12 декабря 1941 г. вышел «приказ НКВД за № 001683 Об оперативно-чеккистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника», предписывающий арестовывать всех пособников нацистов [Там же, с. 413].

Логичный, с одной стороны, и суровый, с другой, приказ, принятый в условиях военного времени, не учитывал многие обстоятельства, подтолкнувшие людей к сотрудничеству с врагом. Его острие было направлено на скорейшее очищение освобожденной территории от всех, не внушающих доверия и запятнавших себя связью с врагом.

Подобные нормативные акты, направленные на борьбу со всеми, подозревавшимися в коллаборационизме, нередко приводили к жесткому пресечению широкого спектра антисоветских проявлений. Так, некто А. В. Алехин, в прошлом образцовый работник колхоза, 1887 г.р., при немцах работал старшиной и выполнял их указания по изъятию имущества. После освобождения территории в 1942 г. Военным Трибуналом был

приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, 6 годам поражения в правах, а также конфискации имущества [1, д. П10263/2, л. 20-55]. Более трагично сложилась судьба другого крестьянина из с. Брынь Думиничского района (ныне Калужской области) М. О. Алимкина, 1887 г.р. За активную немецкую пропаганду в деревне в 1942 г. Военным трибуналом он был приговорен к расстрелу. Приговор оперативно был приведен в исполнение [Там же, д. П10484/2, л. 2-49].

Подобная тенденция видна и в отношении Е. П. Алешкиной. За восхваление немецкой армии, агитацию и открытую помощь врагу продуктами получила аналогичное наказание на срок 10 лет ИТЛ [Там же, д. П9702/2, л. 2-22]. Как видно, на начальном этапе войны под удар попадали не только лица, занимающие определенную должность в оккупационной администрации врага, но и простые люди, отличившиеся открытым антисоветским поведением.

Учитывая издержки такого подхода, уже 18 февраля 1942 г. вышел приказ НКВД СССР за № 001683 (дополненный), согласно которому аресту не подлежали лица, выполнявшие для немцев незначительную работу, при отсутствии на них компрометирующих данных. Такие категории предписывалось лишь брать на личный учет и не привлекать к суровой ответственности [18, с. 14]. Как и раньше, при проведении следствия учитывался статус активного или невольного коллаборанта, а также первичные свидетельские показания. Однако этот приказ начал действовать далеко не сразу, в оперативной работе часты были случаи несоответствия изложенному в нем порядку действия.

К 1943 г. власть еще более конкретизирует свою политику в отношении коллаборантов. Постановление Пленума Верховного Суда СССР за № 22М16УСС от 1943 г. дифференцировало действия советских граждан по отношению к оказанию помощи врагу на активных и пассивных [19, с. 572]. Предписывалось не привлекать к ответственности лиц, служивших врагу в административных должностях, но не совершавших серьезные преступления против Родины, освобождать от ответственности и тех, кто активно помогал партизанам, подполью, Красной Армии, людям, исходя из их искренних побуждений. Справедливости ради скажем, что документ отмечал и выявленные к тому времени недостатки работы следственных органов при рассмотрении дел, характеризующиеся пренебрежительным отношением работников госбезопасности к различным обстоятельствам, влиявшим на мотивацию обвиняемого и характер совершенного преступления.

Ближе к моменту освобождения советской территории в августе 1944 г. на первый план вышел вопрос о том, как быть с огромным количеством людей, возвращавшихся домой из-за рубежа. В срочном порядке было принято постановление ГКО «Об организации сети проверочно-фильтрационных пунктов, расположенных в пограничной зоне», деятельность которых сводилась к проверке лиц, оказавшихся за пределами СССР и возвращавшихся на Родину. 14 мая 1945 г. по приказу наркома Внутренних Дел Л. П. Берии «О проверке и фильтрации освобожденных советских граждан» проверка должна была осуществляться в пределах 1-2 месяца, а для детей, женщин, стариков устанавливался еще более минимальный срок. При успешном развитии лиц призывного возраста предписывалось отправлять в распоряжение командования, гражданских – домой. Все подозреваемые субъекты направлялись в распоряжения СМЕРШ или НКГБ. 18 августа 1945 года принято решение о высылке на 6 лет всех власовцев и полицейских, не участвовавших в карательных операциях и не являвшихся активными немецкими пособниками. В ноябре 1945 года вышла директива НКВД, которая предписывала всех тяжело больных и искалеченных лиц рядового состава, служивших в полиции, РОА и других формированиях, также не участвовавших в карательных акциях и не являвшихся активными пособниками, освобождать от ареста и отправлять домой [15, с. 50].

На каждого проверяемого заводилась анкета, в которой содержался ряд вопросов общего характера. Репатриант должен был указать: а) биографические данные; б) политические (партийность); в) причины, по которым он оказался за границей); г) служил ли он в формированиях немцев, кого из пособников гитлеровцев мог назвать. Как оказалось, с помощью этих вопросов довольно трудно выявить активного коллаборанта. Поэтому если проверявшийся вызывал подозрения, его биография перепроверялась, привлекались показания о нем других людей.

Изучение материалов конкретных фильтрационных дел дает возможность представить самые общие черты социального облика репатриированных в Калужский край: их социальный состав, степень лояльности к власти, отношение к оккупантам. Так, при ответе на вопрос «Кого знаете из пособников?» почти все проверявшиеся отвечали «Никого не знаю», «сам с врагом не сотрудничал», «в карательных органах не допрашивался». В отношении большинства репатриированных долгое разбирательство не велось, и они довольно успешно проходили эту процедуру. Так, например, проводилась проверка А. М. Изюмова, 1928 г.р., беспартийного, имевшего четырехклассное образование. На допросе он показал, что в августе 1943 г. был насильно угнан в Германию, где работал в строительном батальоне. Там же, получив ранение в плечо, лечился в военном госпитале. В октябре 1944 г., спустя 2 месяца, был выписан и отправлен на легкие строительные работы в лагерь. Проверочно-фильтрационная комиссия решила отпустить Изюмова домой [7, д. 199, л. 4]. Примерно так же закончилось рассмотрение дела другого репатриированного: И. Г. Новиков, 1922 г.р., беспартийный, в 1941 г. попал в плен под Лугой, около 3 лет проработал фельдшером в немецком лагере. На допросе проверяемый отметил, что к ним в лагерь приезжали пропагандисты РОА, но он пропаганде не поддавался. На вопрос дознавателя о своей дальнейшей судьбе Новиков заявил, что отправится туда, куда его направят, так как не знает, где его родные, подчеркнув, что хотел бы служить в армии. Удивительным оказалось решение комиссии: «Направить в Управление военного комиссариата для призыва. Материал сдать в УНКВД» [Там же, д. 129, л. 16].

Подобные решения выносились даже в отношении лиц, родственники которых являлись активными коллаборантами. Брат репатрианта В. Д. Проманенкова служил в немецкой полиции, а его отец и средний брат –

в Красной Армии. Решение комиссии в отношении В. Д. Проманенкова гласило: «Предательской деятельности не обнаружено. Направить по месту жительства» [Там же, д. 77, л. 7].

Однако бывали и случаи настороженного отношения власти к репатриированным. Г. Я. Круглов рассказывал о своей судьбе: «Пришел в военкомат, а меня оттуда забрали как пленного беглеца и увезли в Тамбовскую область в проверочно-фильтрационный лагерь. Потом на Селигер. Вернули форму. Воевал под Сталинградом. Был ранен. После войны переехал в Калугу, и тут начались нападки по факту пропажи моего партбилета, который я потерял, попадая в плен. Парторгу сказал, что его съел, но он ничего мне не сделал. Позже сняли с работы – по сокращению штатов и я перешел в рабочие» [6, д. 23, л. 4]. Муж П. К. Клевцовой, 1915 г.р., беспартийной, работал полицейским в одной из деревень Спас-Деменского района. Ее сама он устроил работать на немецкую кухню. При отступлении семья ушла с немцами. С октября 1944 г. Клевцова работала прачкой в прифронтовых немецких частях. Нашлись свидетели, которые видели, как ее муж конвоировал советских граждан и изымал продукты для немецкой армии. Однако дело самой Клевцовой передали в архив УНКВД, ограничившись взятием ее на оперативный учет [7, д. 128, л. 7-13].

Как правило, если лицо вызывало подозрение, фильтрационная комиссия делала запрос в отделение НКВД по месту проживания. В проверочный пункт под грифом «Совершенно секретно» приходило письмо-справка с указанием определенной информации, и при обнаружении компрометирующих данных субъект направлялся в распоряжение НКГБ или СМЕРШ. Многие граждане, проходящие проверку, с пониманием относились к подобному рода мероприятиям. Жительница Спас-Деменского района В. Коваленкова, угнанная немцами в 1943 г., вспоминала, что проверку прошла быстро, в Бресте уже получила документы и отправилась домой. По поводу проверки высказалась кратко: «Проверить было нужно и детально» [25, д. 304, л. 7-8].

Бывали среди репатриированных и люди, которые в чрезвычайных обстоятельствах войны сражались как на стороне гитлеровской Германии, так и на стороне сил антигитлеровской коалиции. Красноармеец-новобранец А. М. Брыгин, беспартийный, 1924 г.р., в ноябре 1942 г. перешел на сторону немцев, став солдатом одного из «восточных легионов» Гитлера, воевал с партизанами в России, а с 1943 г. – в Италии. Там он сдвоя в плен итальянским партизанам и до лета 1944 г. воевал в их рядах. В СССР Военным трибуналом был заочно приговорен к высшей мере наказания согласно пункту «б» статьи 58. 28 мая 1945 г. был арестован в фильтрационном лагере и 24 июля 1945 г. был повторно осужден по статье 58-1 «б» УК РСФСР к 10 годам. Но 19 апреля 1946 г. его дело было пересмотрено Верховным Судом СССР, постановившим, учитывая нахождение Брыгина в итальянской партизанской бригаде как смягчающее обстоятельство, назначить ему наказание в виде 6 лет лишения свободы [8, д. 152, л. 19].

Исходя из практики, стоит отметить, что проверку зачастую не проходили лица, занимавшие крупные должности в административно-карательных структурах нацистов или достаточно активно проявившие себя на службе оккупантам. Как правило, их фамилии оперативникам были известны заранее, и многие из них задерживались уже на первых этапах. Н. П. Засухин в период временной оккупации немецкими войсками Боровского района был назначен немцами заместителем городского головы г. Боровска, активно содействовал немецким оккупантам в установлении фашистских порядков. По постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 9 января 1943, на основании ст. 58 п. 1 «а» УК РСФСР, Н. П. Засухин заочно приговорен к ВМН – расстрелу за то, что при отступлении немецкой армии бежал вместе с ними в тыл врага. По возвращению на Родину постановление было немедленно приведено в исполнение. Уже в постсоветское время было выявлено, что следствие прошло с нарушением процессуальных норм, и в 1991 году человек был посмертно реабилитирован [7, д. 176, л. 9].

Значительно повезло тем, кто попадал в «руки» органов безопасности в самом конце войны. К тому времени система наказаний уже прошла определенную трансформацию и шансы на сохранение жизни достаточно увеличились. Подобное случилось с бывшими сотрудниками Боровской и Калужской Городских Управ Д. К. Фиалковским и С. Д. Кудрявцевым. Суровые расстрельные приговоры, вынесенные этим лицам ранее заочно, заменили в 1945 и 1946 гг. на ограничение свободы сроком в 10 лет [Там же, д. 193, л. 6, д. 179, л. 4].

Те из репатриантов, кто не смог пройти проверку, получали статус спецконтингента и попадали в созданные для них специальные проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ). Всего по состоянию на 1 января 1946 г. в ПФЛ и ИТЛ (исправительно-трудовые лагеря) насчитывалось 228018 человек спецконтингента. В рамках Калужской области был организован Тарусский проверочно-фильтрационный лагерь № 328, в котором работало 366 чел. [12].

Советская власть подозрительно относилась не только к угонявшимся гитлеровцами, но и к остававшимся на оккупированной врагом территории. Это касалось также коммунистов и комсомольцев, которые, не имея «специального задания» (т.е. прямо или косвенно не участвовали в борьбе с оккупантами), проживали на занятой врагом территории. В последние годы войны и первые послевоенные годы партийная коллегия Калужского обкома ВКП(б) и бюро райкомов ВКП(б) были заняты разбором партийных дел коммунистов, остававшихся на оккупированной территории. Разумеется, далеко не все они сотрудничали с врагом. Однако даже проявление пассивности в тяжелые для страны годы рассматривалось как серьезный повод для постановки вопроса о дальнейшем нахождении в партии.

По целому ряду причин далеко не все коммунисты смогли эвакуироваться или уйти в подполье. Многие из них перед войной вступили в партию, часть в критический для страны момент заколебались, потеряли веру в победу. Власть судила их гораздо более строго, чем беспартийных: в среднем каждый второй, остававшийся на оккупированной территории, был исключен из партии, значительная часть получила партийные взыскания [5, д. 118, л. 4-36]. Так, рассмотрение 2545 дел коммунистов к началу декабря 1944 г.

завершилось решениями об исключении из ВКП(б) 1656 чел. (65,0%) и оставлениями с взысканиями 889 чел. (35%). К 1948 г. при окончательном анализе дел выяснилось, что из 2830 «пассивных» коммунистов, то есть тех, кто находился на оккупированной территории без спецзадания, исключили из партии 2074 человека, что составляет 73% [14, с. 220]. Те же, кому с исключением повезло, ввиду нехватки кадров рассматривались центром как политический резерв.

В отношении прошедших фильтрацию центральная власть предписывала проводить пропагандистскую работу, трудоустраивать, помогать в размещении и строительстве жилья [5, д. 118, л. 15]. Но, как показывает практика, ввиду сложной военной обстановки, бюрократической халатности, да и просто вследствие предвзятого отношения местной власти подобные мероприятия исполнялись не всегда. В докладной записке отдела пропаганды ЦК ВКП(б) секретарю партии т. Г. Маленкову таким образом описывалось положение вещей, связанное с репатриацией: «На приемно-распределительном пункте в г. Сухиничи Калужской области общежитие для репатриированных совершенно отсутствует; нет также столовой, и репатриированные не получают никакого питания за исключением 500 г хлеба в день. В г. Людиново вернулось 148 репатриированных граждан, в пос. Сукремль Людиновского района – 64 человека. Заводы, расположенные в этих населенных пунктах, нуждаются в рабочей силе, но репатриированных на эти работы не берут, ожидая присылки пленных немцев» [21, с. 370-371]. Порой сами местные власти просто не знали, как отнестись к данному контингенту и как расходовать выделенные на его обустройство средства. Так, из беседы с председателем Сухиничского райисполкома Макаровым выяснилось, что в районе имеется 1,5 тонны семенного картофеля, 10 кг огородных семян, 2 тыс. руб. для оказания материальной помощи особо нуждающимся репатриированным семьям, но все это не использовано, так как руководители районных организаций не знают, кому конкретно надо оказывать помощь. Думиничскому райисполкому была отпущена для оказания помощи сумма в 20 тыс. руб., но израсходовано на прибывших только 1750 руб. [Там же, с. 372].

Исследователь Полян отмечал, что наиболее подозрительно власти относились к репатриированным лицам, основавшимся в городах, так как у тех было стремление проявить себя в жизни. Причем это касалось как и обычных репатриантов, так и отбывших срок коллаборантов. Более спокойно относились к людям в сельской местности. Пожалуй, это связано с низкой динамикой жизни в деревне. Дочь осужденного старосты М. Г. Афиногорова рассказывала: «Отца посадили на 5 лет. В лагере под Рыбинском он вязал рыболовные сети. Отпустили по амнистии через два или три года. Обвинение сняли и реабилитировали за отсутствием преступления. Пришел домой еле живой. Но жить было негде. Все от нас отвернулись. Мы просили ссуду на дом. Не давали. Чем, говорили, будете возвращать? Чем? – работой, разумеется. В конце концов, Калуга дала разрешение на 7 тысяч, купили старенький домик на улице Молокова, достраивали его, вернуть пришлось 8» [3]. В похожем духе описывала тяготы своей послевоенной жизни дочь осужденного Л. Е. Виноградова: «Моя жизнь прошла под знаком “враг народа”. В детстве и юности натерпелась издевательств. Впала в истерику, когда на собрании отказали в приеме в комсомол. В институте декан говорил мне: “Что-то не пойму я твою политическую физиономию”» [2].

По данным из фондов ГАДНИКО, на работы в Германию с территории Калужского края был вывезено 233663 чел., но уже на 25 ноября 1945 г. было репатриировано 158294 человека, что составляет около 68% от общего количества убитых [5, д. 266, л. 15]. По 27 районам Калужской области к 31 декабря 1944 г. за сотрудничество с оккупантами органами НКГБ было арестовано и предано суду 6272 чел., в том числе 152 агента немецких разведорганов, что относительно немного с учетом общей довоенной численности населения региона более миллиона человек. В Калуге данный показатель составляет 650 чел., в Сухиничском районе – 647 чел., в Дзержинском районе – 457 чел. Из 1182,3 тыс. чел., проживающих до войны в области, к концу 1944 г. за коллаборационизм и другие подобные преступления было привлечено около 0,53% довоенной численности населения [14, с. 243]. Стоит отметить, что относительно низкий показатель учтенных активных коллаборантов отмечался и в соседней Смоленской области [13, с. 36].

С другой стороны, нельзя отрицать и серьезных издержек в работе следственных органов. Наказание коллаборантов часто зависело от времени и обстоятельств их выявления как таковых. Самосуды над ними, жесткие меры со стороны органов НКВД и НКГБ, контрразведки «СМЕРШ», подразделений Красной армии часто случались сразу после освобождения той или иной территории от оккупантов, а также в первые годы войны в связи с несовершенством правовой системы в чрезвычайных условиях войны. Многие зависело и от личности следователя, его моральных и профессиональных качеств. В докладной записке секретарю Обкома о работе с прокурорскими кадрами по Орловской области от 24 мая 1941 г. говорилось, что уровень подготовки многих работников прокуратуры недостаточный и не позволяет решать ряд важных задач. Из 75 районных прокуроров высшее юридическое образование имел только 1 сотрудник [9, д. 112, л. 1-3]. В другом донесении секретарю Смоленского обкома указывалось о постоянном нарушении следователями процессуальных норм в ходе проведения следственных мероприятий [24, д. 1487, л. 233]. Подобные сигналы заставляли руководство страны изменять свое отношение к пособникам и совершенствовать правовую систему [Там же, д. 1854а, л. 122].

Таким образом, применяя новые типы источников – материалы фильтрационных дел, автору на региональном уровне удалось рассмотреть один из сложных и актуальных вопросов периода Великой Отечественной войны – проблему выявления коллаборантов через процедуру проверки репатриированных лиц. Исследование документов позволило опровергнуть тезис некоторых зарубежных аналитиков об излишне суровой сущности фильтрационного процесса. Становится ясным тот факт, что, по общей мере, значительная часть репатриантов не подвергалась репрессиям и ущемлениям в правах. Некоторые проявления предвзятости и нарушений отмечаются уже по прибытию лиц в места проживания, при активном стремлении субъекта существенно проявить себя в жизни.

Как правило, процедуру фильтрации не проходили наиболее активные пособники, а также люди, официально состоявшие на службе в пронацистских структурах. Учитывая огромное количество перемещаемых и неразбериху послевоенного периода, нельзя исключать и то обстоятельство, что незначительному контингенту активных предателей все же удалось пройти через сито фильтрационных мероприятий, на время уйдя от ответственности. Впоследствии такие люди обнаруживались и немедленно нейтрализовывались советскими органами безопасности.

Анализируя комплекс мер по наказанию коллаборантов, необходимо отметить и постепенную тенденцию смягчения репрессивной политики в пользу обвиняемого. Такой подход в значительной степени облегчал участь человека, предоставляя ему шанс на смягчение приговора. Возможно, это связано с тем, что советское государство пыталось восполнить людские потери, так необходимые для восстановления страны, что не позволяло ему применить излишне суровые меры в отношении абсолютно всех коллаборантов. Конечно, необходимо учитывать и то обстоятельство, что и сам подход к коллаборации, явлению крайне сложному, уже был далеко не таким, каким он являлся в период самой войны.

Список источников

1. **Архив управления ФСБ РФ по Калужской области** (АУ ФСБ РФ КО). Ф. 2. Оп. 1.
2. **Воспоминания Л. Е. Виноградовой** [Электронный ресурс] // По ком звонят боровские колокола. URL: <http://www.borovsk-repression.ru/?article=2&id=41> (дата обращения: 13.12.2018).
3. **Воспоминания М. Г. Афиногеновой** [Электронный ресурс] // По ком звонят боровские колокола. URL: <http://www.borovsk-repression.ru/?article=2&id=42> (дата обращения: 13.12.2018).
4. **Говоров И. В.** Репатриация на Северо-Западе РСФСР 1944-1949 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. СПб., 1998. 21 с.
5. **Государственный архив документов новейшей истории Калужской области** (ГАДНИКО). Ф. 55. Оп. 20.
6. **ГАДНИКО.** Ф. 88. Оп. 8.
7. **ГАДНИКО.** Ф. 748. Оп. 1.
8. **ГАДНИКО.** Ф. 7698. Оп. 1.
9. **Государственный архив Орловской области** (ГАОО). Ф. 52. Оп. 2.
10. **Дюков А. Р.** Милость к падшим. Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М.: Фонд «Историческая память», 2009. 176 с.
11. **Земсков В. Н.** К вопросу о судьбе советских репатриантов // Политическое просвещение. 2011. № 1 (60). С. 12-17.
12. **Земсков В. Н.** Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/014/251/1217/002Zemskov.pdf> (дата обращения: 16.12.2018).
13. **Комаров Д. Е.** Население оккупированных территорий: между коллаборационизмом и сопротивлением (на материалах Смоленской области) // Приволжский научный вестник. 2012. № 10. С. 32-42.
14. **Кометчиков И. В. и др.** Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2015. 272 с.
15. **Молодова И. Ю.** Проверочно-фильтрационные дела в Госархиве документов новейшей истории Калужской области // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 49-56.
16. **Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны:** сб. документов: в 8-ми т. М.: Русь, 2000. Т. 2. Кн. 1. 718 с.
17. **Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны:** сб. документов: в 8-ми т. М.: Русь, 2000. Т. 2. Кн. 2. 699 с.
18. **Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны:** сб. документов: в 8-ми т. М.: Русь, 2003. Т. 3. Кн. 1. 692 с.
19. **Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны:** сб. документов: в 8-ми т. М.: Русь, 2008. Т. 4. Кн. 2. 810 с.
20. **Полян П. М.** Жертвы двух диктатур. М.: РОССПЭН, 2002. 966 с.
21. **Советская жизнь. 1945-1953:** сб. документов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 720 с.
22. **Соломатина Е.** Фильтрационные дела как исторический источник // Тезисы докладов весенней школы стипендиатов фонда им. Генриха Бёлля (г. Москва, 16-22 марта 2003 г.). М.: Мемориал, 2003. С. 66-68.
23. **Толстой Н. Д.** Жертвы Ялты. М.: Русский путь, 1996. 544 с.
24. **Центр документации новейшей истории Смоленской области** (ЦДНИСО). Ф. 6. Оп. 1.
25. **ЦДНИСО.** Ф. 8. Оп. 1.
26. **Шевяков А. А.** Тайны послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 3-12.

COLLABORATORS' IDENTIFICATION AMONG THE REPATRIATED POPULATION FROM 1942 TILL 1945 (BY THE MATERIALS OF KALUGA REGION)

Polugodin Andrei Dmitrievich

*Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski
andrei.polugodin@yandex.ru*

In the article, on the basis of archival documents from the funds of the State Archives of Documents on Contemporary History of Kaluga region and other regional archives the problem of collaborators' identification in the stream of the repatriated population in Kaluga region from 1942 till 1945 is considered. The extent, mechanism and results of the filtration procedure, as well as its impact on certain repatriates and collaborators' destinies are shown. The conclusion on the ambiguity of the results of the Soviet power's policy in relation to the repatriated in the region and the influence of various external factors on determining the revealed collaborators' measure of fault is drawn.

Key words and phrases: The Great Patriotic War; repatriation; collaborationism; screening and filtration affairs; Kaluga region.